

Российская академия наук
Институт всеобщей истории
Отдел истории Византии
и Восточной Европы

Каптеревские чтения

18

МОСКВА
2020

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ «ГРЕКОВ» В РОССИЮ:

ПОСОЛЬСТВО СЕМЕНА ДЕМЕНТЬЕВИЧА ЯКОВЛЕВА
И ПЕТРА ЕВДОКИМОВА (1628–1630 гг.)

Татьяна Анатольевна Опарина

кандидат исторических наук,
РАЖВиЗ Ильи Глазунова,
Институт российской истории РАН

Аннотация. В статье рассматриваются судьбы иммигрантов, приехавших в Россию из Османской империи вместе с русским посольством Семена Яковлева и Петра Евдокимова. Представленный материал позволяет детально проследить механизмы адаптации «греков» в русском обществе, восстановить их биографии, состав «греческого» землячества Москвы и характер взаимоотношений внутри него.

Ключевые слова: миграция, дипломатия, адаптация, Османская империя, «греческое» землячество.

Одними из основных путей «греческой» светской миграции первой половины XVII века были дипломатические поездки. Русские посольства традиционно привозили подданных султана, принявших решение уехать в далекую северную державу¹. Не стало исключением и посольство Семена Яковлева и Петра Евдокимова (1628–1630 гг.)², возвращавшееся на родину вместе с османским послом Фомой Кан-

1. Опарина Т.А. «Греческая» светская миграция в Россию после Смутного времени: посольства Солового Протасьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2017. № 2. С. 57–62.
2. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. Т. 2. М.: Издательство МГУ, 1946. С. 25.

такузиным³. Переводчиком русской миссии был назначен Анастас Селунский⁴. С собой русские дипломаты привезли восемь человек, в то время как сам фанариот — пять⁵.

К сожалению, оригиналы документов о принятии иммигрантов в русское подданство не сохранились, а именно в них содержались расспросы «греков» об их происхождении и характере деятельности на родине. Краткие сведения дошли лишь в пересказе более поздних материалов, в которых нередко объединялись выходцы сразу двух посольств. Но известен список «гречан», присоединившихся именно к посольству Семена Яковлева и Петра Евдокимова: «в 138 году приехали из Царя – города с послы Семеном Яковлевым да з дьяком Петром Овдокимовым *Миколаи Дмитриев, Дементей Чернцов, Юрьи Дросов, Михаил Стоянов, Петр Прокофьев, Дмитрией Федоров Селунской, Дмитрией Николаев (курсив автора)* с женою и сыном»⁶. Причину переезда в Россию «греки» объяснили устоявшейся формулой: «слышачи царское жалованье и призреенье к нам, иноземцом, и оставя в своей земли род и племя и все свое именье и приехали из Царя-города с послом с Фомою на царское имя, великому государю служить верою и правдою, и кровь свою проливать за государя и за православную крестьянскую веру, и умереть на царской службе против государевых недругов, как и прочая наша братья умирают за государя»⁷.

3. Там же. С. 26; *Флоря Б.Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII в. // *Россия и Христианский Восток.* М., 2004. Вып. 2–3. С. 260.
4. *Оборнева З.Е.* Анастас Солунский как переводчик с греческого языка // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2014. Т. 5. Выпуск 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000933-5-1> (дата обращения: 29.03.2017); *Она же.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа. М.: Издательский дом ЯСК. 2020. С.164–165; *Фонкич Б.Л., Калугин В.В.* Кирилл Лукарис и Россия (О происхождении греческого текста документов Габора Бетлена, отправленных в Константинополь) // *Специальные исторические дисциплины.* Вып. 1. М., 2014. С. 261–304; *Опарина Т.А.* Переводчик Посольского приказа Анастас Селунский // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 4 (66). 2016. С. 66–84.
5. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1632. № 16. Л. 1.
6. Там же. Л. 1; Ф. 52. Оп. 1. 1630. № 26. Л. 12.
7. РГАДА. Ф. 138. Оп.1, № 3. 1630. Л. 7.

По прибытии в Москву иммигранты составили коллективную челобитную с просьбой о повышении поденного корма. Они утверждали, что в пути каждому из них было назначено содержание в 2 алтына на день. Однако воронежский воевода сократил выплаты, по их словам, немотивированно: «А по грошу убавил неведомо почему»⁸. В Москве сумма не изменилась, что «греки» посчитали несправедливым. Иностранцы рассчитывали восстановить размер первоначального поденного корма, назначенный русскими дипломатами в Константинополе. Они подчеркивали свою родовитость и ссылались на прецеденты назначения высокого жалованья: «А которые наша братья греченя выехали на царское имя прежде нас, и тем царское жалованье корму дают по гривне и по 4 алтына на день. А службою и отчеством мы им в версту. А иной из нас службою и отчеством лутчи их. А царским жалованьем перед тои своею братьею оскорблены. А отчество наше знает посол Фома. А на Руси у нас роду и племени нету, опричь царской милости надеетца нам не на кого ж»⁹. Власти согласились с представленными аргументами и постановили вернуться к 2 алтынам¹⁰.

Тем не менее, одного из иммигрантов — Дмитрия Николаева, ситуация не удовлетворила. Он оказался единственным, пустившимся в сложный путь с семьей. Присутствие супруги и сына требовало больших расходов, что предполагало соответствующее содержание: «царского жалованья корму з женишкою и с сынишкою корму по гривне на день сам треть»¹¹. В его случае воронежский воевода урезал сумму поденного корма еще более значительно: «А два гроша убавил неведомо за что»¹². «Грек» просил вернуть ему исходное жалованье, что и было исполнено¹³.

Выяснив размеры поденного корма, глава Посольского приказа приступил к вознаграждению за принятие русского подданства. Сумма высчитывалась в соответствие с социальным статусом на родине,

8. РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 617. Л. 19.

9. Там же.

10. Там же. Л. 19 об.

11. Там же. Л. 20.

12. Там же. Л. 20.

13. Там же. Л. 20 об.

который нам сейчас неизвестен. Но мы знаем, что иммигранты были пожалованы тканями (английским сукном и тафтой), мехами (связкой куниц) и деньгами (8 рублей)¹⁴, что говорит об их относительно высоком положении в Османской империи. Кроме того, патриарх Филарет Никитич наградил каждого «грека» иконой, сукном и 5 рублями¹⁵. Не исключено, что дары предстоятеля были связаны с «исправлением веры» иммигрантов, т.е. выбранными для них определенными чинами приема в православие.

Далее в Посольском приказе иммигрантам были назначены поместьно-денежные оклады (верстание). Судить о различиях в социальном статусе на родине можно лишь по полученным иммигрантами окладам, которые оказались трех вариантов: «И учинено им государева жалованья поместьные и денежные оклады /л.2/ *Миколаю Дмитриеву, Дмитрию Миколаеву* по 450 чети, денег по 25 рублей, *Дементью Чернцову, Юрью Дросову, Михамилу Стоянову, Петру Прокофьеву, Дмитрею Иванову* поместьный оклад 400 чети, денег по 20 рублей, *Дмитрею Федоровичу Селунскому* (курсив автора – Т.О.) поместьный оклад 350 чети, денег 15 рублей. Да им же всем поденной корм по 2 алтына человеку на день. А которой з женою и с сыном и тому по гривне на день. А питья нет»¹⁶.

Очевидно, что в переселении «греков» принял участие Фома Кантакузин. Уже при назначении поденного корма иммигранты заявляли о его готовности подтвердить их показания в Посольском приказе: «отечество наше знает посол Фома»¹⁷. «Греки» ссылались на фанариота, по их утверждению, взявшего их с собой и располагающего сведениями об их родословной. Но помимо Фомы Кантакузина, наиболее вероятно, важная роль в миграции принадлежала переводчику Анастасу Селунскому, которому удалось привести в Россию двух уроженцев Фессалоник¹⁸. В первоначальном списке они не обладали еще

14. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1, 1630, № 26, Л. 12.

15. Там же. Л. 12–13.

16. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1632. № 16. Л. 1–2.

17. РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 617. Л. 19.

18. *Опарина Т.А.* Служилые иноземцы «Селунские» в России в конце XVI – первой половине XVII веков // *Вспомогательные исторические дисциплины в сов-*

фамильным прозвищем «Селунский»¹⁹, как и в челобитной о повышении поденного корма²⁰. Но уже скоро именно так стал именоваться Дмитрий Федоров²¹.

Дмитрия Федорова Селунского следует отнести к числу дальних родственников Анастаса Селунского. Севастийский митрополит Иосиф (двоюродный брат Анастаса) отрекомендовал Дмитрия Федорова Селунского как своего племянника: «Слышача я, богомолец ваш, вашу государскую неизреченную милость и призренье к нам, богомольцам вашим, выехал я за вас государей Бога молить, вывес с собою племянничка своего греченина Дмитрия Федорова сына Селунского, надеючи на ваше государское жалованье и призренье»;²² «А в челобитье своем митрополит Иосиф греченина Дмитрея написал себе племянником»²³. Видимо, в Османской империи Дмитрий Федоров занимал не очень высокое положение, о чем свидетельствует назначенный ему при верстании в Посольском приказе самый маленький для группы иммигрантов поместно-денежный оклад в 350 четей и 15 рублей. Вмешательство севастийского митрополита Иосифа позволило иностранцу не только увеличить размеры своего содержания, но и сразу войти в привилегированное сословие. Это был первый случай за первую половину XVII в. включения «грека» сразу при выезде в состав Государева двора. Дмитрия Федорова Селунского 9 февраля 1631 г. назначили стольником²⁴ московского патриарха Филарета Никитича, благожелательно относившегося к грекам. Имя Дмитрия Федорова Селунского упоминается в чине патриаршего стольника в боярском списке 1631/32 г., но далее пропадает из источников. Он

ременном научном знании. Материалы XXVIII международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 396–399.

19. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630, 26. Л. 12.

20. РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 617. Л. 19.

21. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1632. № 16. Л. 1.

22. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1631. № 13. Л. 1.

23. Там же. Л. 4.

24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 55. Стп. 3. Л. 29; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 62. Л. 103 об; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1084. Стп. 3. Л. 29. Сведения предоставлены А.П.Павловым, за что приношу ему глубокую благодарность.

выбыл из чина еще до осени 1633 г.²⁵, а после кончины предстоятеля не смог вернуться в Государев двор. Не исключено, что оказавшийся без службы иностранец, успевший установить прочные связи с московским боярством, сумел использовать их на новом поприще патриарха. Дмитрия Федорова Селунского возможно отождествить с Дмитрием Селунским, занимавшимся в 1652 г. врачебной практикой среди представителей русской знати²⁶. По рассказам самого грека, свои познания в медицине он приобрел у докторов, живших по соседству с домом его отца в Фессалониках, а также в Константинополе²⁷. Деятельность вне Аптекарского приказа вызвала недовольство штатных сотрудников ведомства, опасавшихся конкурентов в своей профессии. Аптекарь – немец обвинил грека в неправильном лечении, приведшем к смерти пациента²⁸. Дальнейшая судьба Дмитрия Федорова Селунского неизвестна.

Другим иммигрантом, впоследствии использующим фамильное прозвище «Селунский», был Николай Дмитриев²⁹ (о котором подробнее ниже). Но до 1641 г. он именовался только по имени и отчеству, и лишь затем приобрел дополнительное именование. При этом ни он, ни его остальные спутники не смогли, в отличие от Дмитрия Федорова Селунского, первоначально претендовать на вхождение в привилегированное сословие. Хотя иммигранты и гордились своим происхождением и готовы были искать подтверждение этому у Фомы Кантакузина, чиновники Посольского приказа не сочли возможным сразу включить их в Государев двор. В результате семь иммигрантов из посольства Семена Яковлева и Петра Евдокимова были направлены в Иноземский приказ. Более того, в военном ведомстве их отнесли только ко второй категории служилых иноземцев.

25. Сведения предоставлены Е.Н. Горбатовым, за что приношу ему благодарность.
26. Худин К.С. «Следственное дело о греке Дмитрие Селунском» 1652 г.: история одной смерти // Каптеревские чтения. Сборник статей / Отв. ред. М.В.Бибииков. М., 2013. Вып. 11. С. 181–191.
27. Там же.
28. Там же.
29. Опарина Т.А. Военный, толмач и московский дворянин: смена социальных статусов Николая Дмитриева Селунского // Переводы и переводчики в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2019. С. 96–106.

В период возвращения в Москву посольства Семена Яковлева и Петра Евдокимова в столице шла активная подготовка к Смоленской войне (1632–1634 гг.). В Иноземском приказе проходила реформа, в результате которой появилась особая «греческая рота». В нее и определили новых иммигрантов. В 1631 г. иностранным военным в зависимости от их оклада выдавались суммы для покупки обмундирования и снаряжения. Второй категории служилых иноземцев предназначалась сумма в 20 рублей. Эту единовременную выплату получили «нового выезду кормовые иноземцы» Николай Дмитриев (Селунский)³⁰, Дмитрией Николаев³¹, Дементий Чернцов³², Юрий Дросов³³, Михаил Стоянов³⁴, Петр Прокофьев³⁵, Дмитрий Иванов³⁶, в чем они и поручились друг за друга.

Один из выходцев — Дементий Иванов Чернцов (Ченцов)³⁷ (в коллективной челобитной о назначении поденного корма названный Чернышовым³⁸), в 1631 г. участвовал в составлении еще одного документа — поручной записи на холопа переводчика Ивана Дмитриева Селунского³⁹. Сын царского переводчика, Григорий Иванов Селунский⁴⁰, короткий период был толмачом Посольского приказа, а на момент подковки поручной записи уже перешел в Иноземский приказ. Поэтому Григорию Селунскому готовы были помочь сослуживцы как по дипломатическому, так и по военному ведомствам. Среди них были переводчики и толмачи Посольского приказа: Анастас Иванов

30. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. 1631. Л. 149.

31. Там же. Л. 146 об.

32. Там же. Л. 150 об.

33. Там же. Л. 151

34. Там же. Л. 151 об.

35. Там же. Л. 152.

36. Там же. Л. 152 об.

37. *Оборнева З.Е.* Дементий Чернцов — греческий переводчик Посольского приказа (1631–1658 гг.) // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 38–59; *она же.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа. С. 183–189.

38. РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 617. Л. 19.

39. *Опарина Т.А.* Царский переводчик Иван Дмитриев Селунский: аристократ в приказной системе Московского государства // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М., 2018. С. 44–67.

40. Там же.

Селунский, Мануил Филадельфийский⁴¹, Иван Дмитриев; а также военные Иноземского приказа: Юрий Трапезундский⁴², Иван Савельев, Василей, Александр Иванов сын Бахчиковы и Дементий Чернцов⁴³. Таким образом, будучи рядовым ратником Иноземского приказа, Дементий Чернцов сумел сохранить и укрепить связи с сотрудниками дипломатического ведомства, в котором проходило оформление его подданства. Не удивительно, что уже через год военной службы он покинул Иноземский приказ и перешел в Посольский, получив в 1631/2 г. должность толмача⁴⁴. Оклад и поденный корм ему был сохранен. Таким образом, перед самой войной Дементий Чернцов, судя по его последующей деятельности не связанный на родине с ратной службой, предусмотрительно сменил ведомство. Не известно лишь, кто именно помог иммигрантам в установлении столь крепких контактов с Посольским приказом, кто сообщил ему о возможности перехода на толмаческую службу, и кто принимал у него экзамен в Посольском приказе. Наиболее вероятной кандидатурой посредника и экзаменатора Дементия Чернцова можно назвать вывезшего его Анастаса Селунского.

При этом Дементий Чернцов не утерял связь и со своей родиной. Во всяком случае, в 1634 г. была получена рекомендательная грамота Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, подписанная также Иерусалимским патриархом Феофаном. Очевидно, Дементию

41. *Опарина Т. А.* Мануил Филадельфийский в Нижегородском Печерском монастыре: (К вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) // Вестник церковной истории. 2012. С. 53–68; *она же.* Личный архив Мануила Филадельфийского: проблемы поиска автографа // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Международная научная конференция в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. М., 2013. С. 242–243; *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020. С. 166–168.

42. *Опарина Т.А.* Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М., 2004. С. 54–73; *она же.* Иноземцы в России XVI – XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007; *она же.* Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica.* 2017. № 1. С. 171–197.

43. РГАДА. Ф.138. Оп. 1. 1628. №1. Л. 53.

44. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1630. № 3. Л. 4.

Чернцову (или близким к нему людям) удалось заручиться поддержкой этих самых влиятельных для России иерархов Христианского Востока. Грамота была составлена в июне 1633 г. и привезена в Россию посольством Афанасия Прончищева и Тихона Бормосова, в состав которого вновь входил Анастас Селунский. Очевидно, он и перевел документ на русский язык. Его текст содержал сведения о происхождении иммигранта. Согласно ему, род Дементия Чернцова происходил из Пелопоннеса (где в это время проживало много семей, относящих себя к Палеологам⁴⁵), но затем перебрался в Константинополь. Родился и вырос Дементий Чернцов уже в османской столице⁴⁶. Хорошее знание греческого письменного языка, редкое для иммигрантов из Османской империи и ее вассальных государств, позволяет предположить как его домашнее образование, так и связь с патриаршим двором. Остается открытым вопрос, где Дементий Чернцов смог выучить русский устный и письменный язык. З.Е. Оборнева предполагает, что Дементий Чернов мог быть славянином⁴⁷.

Но обычно подобного рода документы служили основанием для изменения социального статуса иммигранта, чаще всего — для перехода в Государев двор. По неизвестным сейчас причинам столь важные бумаги не оказали никакого воздействия на положение Дементия Чернцова. Он не только не стал московским дворянином, но даже не получил повышения в Посольском приказе.хлопоты патриарха не имели последствий, и Дементий Чернцов продолжил толмаческую службу, включающую и обязанности пристава при иностранных дипломатах. Это позволило ему постоянно контактировать с агентами русского правительства — купцами, выполняющими дипломатические поручения. Так, в 1639 г. толмачи Дементий Чернцов и Афанасий Буколов, находясь на посольском подворье, стали свидетелями нападе-

45. *Опарина Т.А.* Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI – первой половине XVII в // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2016. № 1. С. 131–158.
46. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020. С. 183.
47. Там же. С. 189.

ния⁴⁸ на Ивана Петрова (Тафлари), приближенного к Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису, а также на Исаию Остафьева⁴⁹ и Константина Остафьева, представлявших в Москве интересы молдавского господаря Василия Лупу.

Будучи толмачом греческого языка, при этом неоднократно выполняющим письменные переводы, Дементий Чернцов ждал девять лет, пока в Посольском приказе освободится место греческого переводчика. В 1639 г. переводчик Мануил Матвеев Филадельфийский, ранее вместе с Дементием Чернцовым составлявший поручную запись на холопа Ивана Селунского, добился зачисления в Государев двор. В 1640 г. Дементий Чернцов воспользовался ситуацией и подготовил челобитную с просьбой о переводе на должность переводчика. Он был утвержден в этой позиции только в сентябре 1642 г.⁵⁰

Но уже в октябре 1642 г. служебная карьера Дементия Чернцова оказалась на грани катастрофы. Он был втянут в противостояние двух влиятельных «греческих» родов: Альбертусов-Далмацких и Алибеевых Макидонских⁵¹. Примечательно, что большинство основных участников конфликта приехало в Россию примерно в одно время. Иван Альбертус-Далмацкий выехал в 1628 г., его братья — Павел и Дмитрий, а также Дементий Чернцов и Алибеевы-Макидонские — в 1630 г. В Москве Альбертусы-Далмацкие смогли собрать вокруг себя соотечественников: Юрия Трапезундского, переселившегося в Россию в 1627 г.; Петра Волошенина, привезен-

48. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). С. 184.

49. Об этом приезде молдавского посланника в Москву см.: Семенова Л. Е. Политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1989. С. 71.

50. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). С.184.

51. *Опарина Т.А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 53–60.

ного в 1630 г. Фомой Кантакузиным; Остафия Власия, достигшего России в 1636 г.

Наиболее вероятно, образованный Дементий Чернцов сблизился в России с влиятельными и родовитыми Альбертусами-Далмацкими. Все они были выходцами из Пелопоннеса, находились на службе в Константинополе и имели связи как с окружением Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, так и Иерусалимского патриарха Феофана. Это позволило Ивану Альбертусу-Далмацкому (как и Дементию Чернцову) получить патриаршьи рекомендации через несколько лет после выезда, что было необычно. Кроме того, в окружение патриарха Кирилла Лукариса входил известный богослов Гавриил Власий, родной брат которого, Остафий Власий, находился в России под покровительством Альбертусов-Далмацких и Юрия Трапезундского. Нельзя исключить факт знакомств семей Власиев, Альбертусов-Далмацких и Дементия Чернцова еще в Константинополе. Объединить царского переводчика и Альбертусов-Далмацких могла и фигура Фомы Кантакузина. Фанариот доставил в Россию Петра Волошенина, входившего в клиентелу Альбертусов-Далмацких; с Фомой Кантакузином двигался в русскую столицу и сам Дементий Чернцов. Еще одним членом клиентелы Альбертусов-Далмацких был Юрий Трапезундский. С ним, хотя и недолго, но служил в «греческой» роте Дементий Чернцов. Вместе с Юрием Трапезундским Дементий Чернцов подписывал поручную запись о холопе Ивана Дмитриева Селунского.

Очевидно, что Дементий Чернцов так или иначе был связан со всеми членами клиентелы Альбертусов-Далмацких. В силу установившихся контактов, вероятно, Дементий Чернцов не смог остаться равнодушным к судьбе Дмитрия Альбертуса, с 1641 г. оказавшегося единственным представителем своего клана. В 1642 г. Дмитрий Альбертус был обвинен Алибеевыми-Макидонскими в убийстве своего холопа. Преступление должно было повлечь тюремное заключение родовитого «грека». Сторонники Дмитрия Альбертуса: Петр Волошенин, Остафий Власий и Юрий Трапезундский (на тот момент уже ротмистр), намерены были отстоять своего патрона. Для его спасения они решили подготовить коллективную челобитную от имени

всей «греческой» общины Москвы. Собрав в защиту Дмитрия Альбертуса поручные записи на пустых листах, заговорщики затем подклеили к ним челобитную совсем иного содержания. В результате ими был составлен извет, ставящий под сомнение княжеское достоинство Алибеевых-Макидонских. Среди прочих на документе оставил свою подпись на русском языке Дементий Чернцов⁵².

Алибеевы-Макидонские упредили подачу «греческой» челобитной составлением собственного встречного извета, в котором они подробно описали историю с чистыми листами и переклеенной челобитной. Они были осведомлены и о наличии на извете автографа Дементия Чернцова. Царский переводчик был столь важен для них, что уже в первой же челобитной упоминалось его имя: «И он князь Дмитрие с товарищи своими и тот рохмистр своеи роты з гречаны и Посольского приказу греческои переводчик Дементие Чернцов к порожним столбцам (курсив автора – Т.О.) руки свои приложили»⁵³. В следующей челобитной Алибеевы-Макидонские расширили круг обвиняемых ими сотрудников Посольского приказа, добавив имя толмача Григория Мисюрского. Говоря о необъективности любых обвинений в свой адрес со стороны переводчика и толмача, они указывали на их близость в период службы в «греческой» роте к одному из организаторов подлога — ротмистру Юрию Трапезундскому: «А переводчик один — Дементие Чернцов (курсив автора – Т.О.), да толмач Грегореи Мисюрской, взяты они в Посольской приказ ис Панского приказу недавно, служили они все в одной роте (с Юрием Трапезундским – Т.О.)»⁵⁴.

Крайне опасной фигурой для Алибеевых-Макидонских греческий переводчик оказался с момента, когда встал вопрос о повторном переводе их рекомендательной грамоты. При выезде в 1630 г. Алибеевы-Макидонские представили греческий документ, составленный Иерусалимским патриархом Феофаном. Перевод на русский язык осуществил Борис Богомольцев (к этому времени находящийся в опале). В переводе Бориса Богомольцева по отношению к Алибеевым-Макидонским использовался термин «князь». Сейчас, в период

52. РГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1643. № 1. Л. 86 об., 103.

53. Там же. Л. 1.

54. Там же. Л. 6.

острых судебных противостояний Петр Волошенин и Остафий Власий настаивали на необходимости нового обращения к оригиналу рекомендательной грамоты. Алибеевы-Макидонские всеми силами стремились избежать этого. Понимая, что сейчас перевод могли поручить только двум греческим переводчикам, Дементию Чернцову и Ивану Боярчикову, они усилили их дискредитацию: «(Петр Волошенин и Остафий Власий – Т.О.) бьют челом государю, стакався з греческими переводчики, чтоб та грамота патриаршеская мимо старово переводу перевесть изнова на руской язык, чтобы им в том деле зблудить и чем бы нас опозорить. А переводчиков греческих всего два человека: *Дементии Чернцов* (курсив автора – Т.О.) Иван Боярчиков. И тово *переводчика Дементья Чернцова* тоже на нас, холопеи твоих, в их ложном и заводном и бездельном челобитье на порожжем столпце рука есть. А Иван Боярчиков тем гречанем друг, пьет и ест заодно, и научает их всякому безделью, чем бы нас, холопеи твоих, опозорить и огласить, ненавидя нас»⁵⁵.

Однако опасения Алибеевых-Макидонских оказались напрасными. Дементий Чернцов сам тревожился за свою судьбу. Когда выяснилось, что он замешан в деле о подделке документов, он сделал все возможное для спасения своей карьеры. Дементий Чернцов стал одним из первых греков, подавших в Посольский приказ явочную челобитную. В ней он объяснял, что стал жертвой обмана: «греческой рохмистр Юрья Тропезонский да Остафеи Власов да Петр Волошенин приходили ко мне перед Посольскои приказ трижды и говорили мне, чтоб я руку приложил к порожнему столбцу. И я им отказывал. И после того принесли они того столбца, а у него приложены многие руки. А сказывали, что будет челобитная изветная по князь Дмитрее, что он доброй человек, не вор, не убоец, для того, что в те поры учинилось убойство. И я, видя, что много рук приложено и поверя их речам, руку приложил глухо. И оне своим умыслом написали челобитную на дву братьов на князь Аностася и на князь Федора Алибеевых, что они не княженецкова роду. А я того не знал»⁵⁶.

55. Там же. Л. 36.

56. Там же. Л. 48.

Осознав угрозу своему положению, Дементий Чернцов полностью перешел на сторону Алибеевых-Макидонских. Но и бывшие соратники не готовы были отпускать царского переводчика. Петр Волошенин и Остафий Власий продолжали настаивать на полной осведомленности Дементия Чернцова в сути извета против Алибеевых-Макидонских и полной добровольности его поступков: «Посольского приказу переводчик *Дементей Чернцов* (курсив автора – Т.О.) да толмач Григорей Мисюрской... видячи, что дело пошло в протяжку и, взяв у тех князеи денег, воруют, и ныне дают явки, будто мы их обманывали руки прикладывать к тои челобитной к пустой. А они сами по русской грамоте умеют и челобитную с нами за одно подавали государеву боярину Федору Ивановичю Шереметеву»⁵⁷. Встал вопрос об очной ставке, во время которой обе стороны дословно повторили прежние показания⁵⁸. В таком случае зашла уже речь о допросах под пыткой: «А на очной ставке Остафеи Власов да Петр Волошенин говорили: Дементеи де /л. 137/ Чернцов тое изветную челобитную чел, и руку приложил чотчи тое челобитную, подавали боярину Федору Ивановичю Шереметьеву с ними вместе. И велели имать за пытку. А Дементеи Чернцов говорил тож, что у него в явке написано, и за пытку имался ж, чтоб государь велел пытать в том Остафья и Петра. А он де тое изветной челобитной не ведал»⁵⁹. Надо полагать, что допросы «с пристрастием» остались только угрозами.

Уникальность ситуации состояла в том, что в самом начале конфликта привлечь к расследованию власти могли лишь Дементия Чернцова⁶⁰. В результате он участвовал в разбирательстве сразу в нескольких ипостасях: подозреваемого (его автограф стоял на извете против Алибеевых-Макидонских), свидетеля (в своей явочной челобитной он обвинил сторонников Альбертусов-Далмацких в подлоге документа), а также представителя власти (он был единственным переводчиком этого многолетнего процесса). Дементий Чернцов

57. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 75

58. Там же. Л. 134–136.

59. Там же. Л. 136–137.

60. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020. С. 184.

переводил всю документацию следствия даже после возвращения в Москву других переводчиков. Прежде всего, ему поручили расшифровать имена «греков», подписавшихся по-гречески на извете против Алибеевых-Макидонских⁶¹. Впоследствии он перевел подписи на коллективных челобитных уже против Альбертусов-Далмацких и их сподвижников⁶². Кроме того, Дементий Чернцов перевел с греческого языка послание Янинского митрополита Калинника, адресованное Алибеевым-Макидонским⁶³. Не исключено, что он осуществлял и устный перевод показаний во время очных ставок.

Более того, находясь на очных ставках, будучи под подозрением в подлоге и готовясь к пыткам, Дементий Чернцов переводил не только документы следствия, но и продолжал весь период расследования исправно исполнять свои непосредственные обязанности в Посольском приказе. Еще до процесса весной и летом 1642 г. Дементий Чернцов перевел значительное число греческих документов: челобитные Ивана Петрова (Тафлари), архимандрита афонского монастыря св. Пантелеимона Григория, рекомендательное письмо Константинопольского патриарха Парфения I греческому купцу Корнилию⁶⁴. В разгар разбирательств в 1643 г. он перевел челобитные Антона Константинова (племянника Фомы Кантакузина), митрополита Феодосия, священника Петра⁶⁵. В 1644 г. ему поручили перевести челобитную игумена монастыря св. Анастасии Узорешительницы Парфения⁶⁶. Более того, в 1643 г. Дементий Чернцов сопровождал на царской аудиенции митрополита Феодосия⁶⁷, и дважды принял экзамены на знание греческого языка у рядовых «греческой» роты Кирилла Иванова и Михаила Поликострицкого⁶⁸. По успешным результатам экзамена эти воины Иноземского приказа была приняты в штат Посольского приказа на должность толмачей.

61. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 87. Л. 89. Л. 96. Л. 119.

62. Там же. Л. 109, 116.

63. Там же. Л. 84.

64. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). С. 184.

65. Там же. С. 184–185.

66. Там же. С. 187.

67. Там же. С. 185.

68. Там же. С. 69.

За это время следственное дело о подложном титуле закончилось в пользу Алибеевых-Макидонских. Суд признал их правоту и оправдал всех «греков», подавших явочные челобитные. По завершению процесса Дементий Чернцов был отправлен в дипломатическую миссию. К 1645 г. ему доверяли настолько, что включили в состав посольства Степана Телепнева и Алфера Кузовлева в Константинополь. В целом, Дементий Чернцов, владеющий самой высокой квалификацией среди переводчиков греческого языка первой половины XVII в., прослужил в Посольском приказе 28 лет. Он скончался в 1658 г.⁶⁹

Не столь заметной оказалась судьба оставшихся в Иноземском приказе шести иммигрантов. После ухода Дементия Чернцова в Посольский приказ они продолжили службу в Иноземском, где активно шла подготовка к военным действиям с Речью Посполитой. В 1631/2 г. «грекам» выдали жалованье: Николаю Дмитриеву (Селунскому) 13 рублей 1 деньгу⁷⁰; Юрию Дросову — 8 рублей 29 алтын 2 деньга⁷¹; Михаилу Стоянову, Петру Прокофьеву и Дмитрию Иванову — по 6 рублей и по 6 алтын⁷². Сложнее оказалось содержать Дмитрия Иванова, имевшего семью, вследствие чего обладавшего самым высоким поденным кормом. Руководство Иноземского приказа стремилось перевести подобных наемников в провинциальные города: «иноземцы нового выезду по государеву указу отпущены с Москвы в города на корм. А государева им жалованье кормовые деньги дают в тех же городех из доходов помесячно»⁷³. Дмитрия Иванова отправили в Ярославль⁷⁴, где выплаты производились из таможенных пошлин. При переводе «греку» понизили жалованье: «Корму ему по 2 алтына по 3 деньга на день. А на год 27 рублей 12 алтын 3 деньга»⁷⁵.

69. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). С. 189.

70. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 13 об.

71. Там же. Л. 14 об.

72. Там же. Л. 14 об.

73. Там же. Л. 301.

74. Там же. Л. 307.

75. Там же. Л. 307.

В 1632 г. перед началом боевых действий боярин Михаил Шеин осуществил проверку имеющихся сил. Дмитрий Николаев⁷⁶, Николай Дмитриев⁷⁷, Юрий Дросов⁷⁸, Михаил Стоянов⁷⁹, Петр Прокофьев⁸⁰, Дмитрий Иванов⁸¹ достойно предстали на военном смотре. Все были отмечены в «естех». Перед отправкой на фронт 1 сентября 1632 г. «греки» в соответствии со своим статусом (как и ранее они числились во второй категории служилых иноземцев) получили жалованье на три месяца: Николаю Дмитриеву (Селунскому)⁸² из расчета по 4 алтына и 3 деньги на день⁸³, Дмитрию Николаеву⁸⁴ — 2 алтына и 4 деньги⁸⁵, Юрию Дросову⁸⁶ — 2 алтына и деньга⁸⁷, Михаилу Стоянову⁸⁸ — 2 алтына и деньга⁸⁹, Петру Прокофьеву⁹⁰ — 2 алтына и деньга⁹¹, Дмитрию Иванову⁹² — 2 алтына и 3 деньги⁹³. При этом у них уже фиксировался и новый вид жалованье — т.н. «поденное питье». Жалованье в натуральном выражении составляло «по 2 чарки вина по кружки меду по кружке пива на день» из Новой чети⁹⁴.

Правительство полагало, что война не продлится долго и в течение трех оплаченных месяцев произойдет разгром противника. Действительно, первоначально русской армии удалось занять ряд стратегически важных объектов, но неприступной оказалась главная кре-

76. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Стп. 1. Л. 32.

77. Там же. Л. 33.

78. Там же. Л. 33.

79. Там же. Л. 33.

80. Там же. Л. 34.

81. Там же. Л. 34.

82. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 676.

83. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Л. 46.

84. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 1176.

85. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Л. 48.

86. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 684.

87. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Л. 48.

88. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 685.

89. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Л. 48.

90. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 685об.

91. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Л. 48.

92. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 686.

93. Там же. Л. 307.

94. Там же. Л. 676. Л. 684. Л. 685. Л. 685об. Л. 686.

пость — Смоленск. Война затягивалась, потребовалось продолжить выплаты. В Иноземском приказе назначали жалованье Юрию Дросову⁹⁵, Дмитрию Иванову⁹⁶, Михаилу Стоянову⁹⁷, Николаю Дмитриеву (Селунскому)⁹⁸. Оставшимся в Москве супругам позволили забирать предназначенное их мужьям «поденное питье». Поэтому в окладных книгах Иноземского приказа оказались зафиксированы имена жен Николая Дмитриева (Селунского)⁹⁹ — Арина, Дмитриия Иванова¹⁰⁰ — Арина, и Дмитриия Иванова — Акулина¹⁰¹.

Ситуация на фронте продолжала стремительно ухудшаться, солдаты и офицеры остались без провианта, начался голод и болезни, что спровоцировало массовое бегство из армии. В Москве оказались Юрий Дросов¹⁰² и Михаил Стоянов¹⁰³, которые смогли получить «поденное питье» непосредственно в Иноземском приказе. Наиболее вероятно, Михаил Стоянов покинул арену боевых действий и направился в столицу для подачи коллективной челобитной о выдаче жалованья для «греческой» роты: «приехал з государевы службы испод Смоленска»¹⁰⁴. Пробыв в столице около месяца (с 1 по 25 января 1634 г.), он был направлен под Можайск: «Да февраля в 10 день Михаилу Стоянову государева жалованья на февраль, да вперед для государевы службы, что иво послати на государеву службу в Можайск»¹⁰⁵. Петр Прокофьев¹⁰⁶ также покинул позиции под Смоленском, возможно, в виду болезни. Недолечившийся беглец был возвращен на фронт, где и погиб: «Петр Прокофьев на государеве службе под Смоленском умер»¹⁰⁷. Николай Дмитриев вернулся с войны живым, но

95. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. кн. 47. Л. 103.

96. Там же.

97. Там же. Л. 104.

98. Там же. Л. 103.

99. Там же; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 94.

100. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 106.

101. Там же. Л. 1123 об.

102. Там же. Л. 103.

103. Там же. Л. 104.

104. Там же.

105. Там же.

106. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845. Л. 152.

107. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 105.

вскоре скончался, скорее всего, от полученных ран. Через два месяца из Ярославля подала прошение о назначении содержания его вдова: «142-го мая в 1 день била челом государю гречанина Дмитриева жена Миколаива Окулина. А сказала: муж де ее Дмитриеи был на государеве службе под Смоленском всякую осадную нужу терпел. И в нынешнем во 142-году муж ее на государеве службе под Смоленском умер»¹⁰⁸. Из ее прошения становится ясно, что семья «грека» в России разрослась. Если в первоначальной челобитной Дмитрий Николаев упоминал только сына, которого вывез из Османской империи, и говорил о себе «сам треть»¹⁰⁹, то теперь вдова упоминала троих детей. Не исключено, что семья приняла еще одного мальчика, быть может, сына погибшего сослуживца. В любом случае, вдова указала два сына: Лариона 14 лет и Федора 13 лет. Мальчики, судя по возрасту, никак не могли родиться в России, в отличие от двухлетней дочери, несомненно, появившейся на свет уже после миграции: «А она после мужа своиво осталась 3 детьми с 3 человеки: сын Ларка 14 лет, сын Федорко 13 лет, да дочь 2 лет»¹¹⁰. Вдове, оставшейся с детьми в Ярославле, назначили содержание из Костромской чети по 9 денег на день (сыновьям по 2 деньги, дочери – по одной)¹¹¹.

После ухода из жизни Петра Прокофьева и Дмитрия Николаева в Иноземском приказе осталось служить четыре человека: Юрий Дросов, Дмитрий Иванов, Михаил Стоянов и Николай Дмитриев (Селунский). Выжившие в Смоленской войне воины получали вознаграждение. Скромные заслуги Михаила Стоянова, прерывавшего службу, определили запоздалое повышение выплат. Лишь в 1635 г. ему немного увеличили размер поденного корма на 3 деньги, в результате чего «грек» стал получать 2 алтына 3 деньги на день. Поместно-денежныйклад сохранился без изменений: 400 чети и 20 рублей.

Наиболее был отмечен Николай Дмитриев (Селунский). «Грек» остался верен присяге и не покидал фронта даже тогда, когда русские войска оказались под Смоленском в окружении. Во время осады Ни-

108. Там же. Л. 1123.

109. РГАДА. Ф. 138. Оп.1, № 3. 1630. Л. 20.

110. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 1123.

111. Там же. Л. 1123 об.

колай Дмитриев проявил себя как смелый воин. По окончании боевых действий его заслуги были оценены. Он получил вознаграждение за оборону и убитого противника. Николаю Дмитриеву повысили поместно-денежный оклад с 450 чети четей и 25 рублей до 550 четей и 29 рублей, поденный корм — до 5 алтын на день: «Да апреля в 28 день по государеву указу прибавлено ему за подсмоленскую службу за осадное сиденье ... х поместным 50 рублев денег 3 рубли да корму ему по 3 деньги на день, итого ему оклад с прибавкою 500 чети, денег 28 рублев да корму по 5 алтын на день... Да по памяти из Розряду прибавлено ему Миколаю за подсмоленскую службу за убитого мужика поместного 50 чети, денег 1 рубль»¹¹². Жалованье осталось неизменным до 1646 г.¹¹³. В своих послужных списках теперь он смог с гордостью писать: «всякие государевы службы зимние и летние много лет (исполнял – Т.О.), и под Смоленском я на государеве службе был с приходу и до отходу, и в осаде сидел и всякую осадную нужу и голод терпел»¹¹⁴; «всякие государя службы (служил – Т.О.), и был на государеве службе под Смоленским з боярином и воиводою с Михаилом Борисовичем Шеиным»¹¹⁵.

Юрию Дросову¹¹⁶ и Дмитрию Иванову¹¹⁷ повысили оклад с 400 четей и 20 рублей до 450 четей и 23 рублей: «143-го апреля в 28 день по государеву указу... государева жалованья прибавлено за подсмоленскую службу за осадное сиденье против дврян и детеи боярских, поместново 50 же чети, денег 3 рубли»¹¹⁸. Они оказались менее удачливы на войне, чем Николай Дмитриев Селунский: в отличие от него убитых противников за ними не числилось. Увеличение поденного корма им заменили наделением землей. Для ратников Смоленской войны выбрали место под Серпейском — единственным отвоеванным русской армией городом. Территория вокруг пограничного города была

112. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 21.

113. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л.14; Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 35 об.; Ф. 52. Оп.1. 1642. № 16; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1054. Л. 49.

114. РГАДА. Ф. 138. Оп.1. 1649 г. №1. Л.148.

115. РГАДА. Ф. 210. Оп.9. Стб. 442. Л. 751.

116. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 31.

117. Там же. Л. 33.

118. Там же. Л. 31. Л. 33 об.

полностью разорена войной, население бежало или было истреблено. Власти стремились раздать имения Серпейского уезда ратникам Иноземского приказа. Очевидно, предпочтения отдавалось иноземцам, не связанным происхождением с Речью Посполитой. Среди испомещенных 12 ноября 1634 г. оказались члены «греческой» роты, в том числе Юрий Дросов¹¹⁹ и Дмитрий Иванов¹²⁰.

После войны дальнейшая деятельность «греков» в Иноземском приказе была связана со службой на Туле. Николай Дмитриев (Селунский) обобщил свой опыт охраны южных границ: «И после смоленские службы был я на государевых береговых службах мало не по вся годы»¹²¹. Сохранившиеся документы фиксируют примеры регулярной отправки иноземцев на Тулу, для чего служилые иноземцы делились на две части. Одни из них уезжали в полки на южные границы весной, в период максимальной опасности набегов крымчаков. Другие выезжали в середине лета и лишь в случае поступления сведений о готовящемся нападении. Так, в 1636 г. находились в резерве помещики Серпейского уезда. Из «греческой роты», которую на тот момент возглавлял Федор Сулейманов¹²², были выбраны Юрий Дросов и Дмитрий Иванов: «Иноземцы серпейские помещики: быти им на государеве службе в другую половину по вестем¹²³. В 1641 г., когда ростмитром уже был Юрий Трапезундский, на Тулу «в первую половину» отправились Юрий Дросов¹²⁴, Михаил Стоянов¹²⁵, Николай Дмитриев Селунский (уже обзаведшийся фамильным прозвищем)¹²⁶ и Дмитрий Иванов, получивший фамильное прозвище «Волошенин»¹²⁷. В 1641 г. на смотре «греки» продемонстрировали готовность к бою, хотя их снаряжение разнилось. Михаил Стоянов был «на коне с саблею да с

119. Там же. Л. 31.

120. Там же. Л. 33.

121. РГАДА. Ф.138. Оп. 1. 1649. №1. Л.148.

122. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 853. Л. 56.

123. Там же.

124. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 139. Л. 420.

125. Там же.

126. Там же. Л. 421.

127. Там же.

карабином»¹²⁸; Юрий Дросов¹²⁹ и Дмитрий Иванов¹³⁰ — «на коне с саблею да с пищалью». Наиболее экипированным закономерно оказался самый состоятельный Николай Дмитриев Селунский. Он предстал «на коне с саблею в саадаке с пистоли, в шапке мисюрке»¹³¹. В 1642 г. Юрьи Дросов¹³², Дмитрией Иванов¹³³, Михаил Стоянов¹³⁴, Николай Дмитриев Селунский¹³⁵ сохранили свои позиции, причем последний был отправлен из Тулы в Москву в «челобитчиках»¹³⁶.

В 1642 г. сразу после возвращения с тульской службы ратников затронул спор Алибеевых-Макидонских и Альбертусов-Далмацких. Пострадали Николай Дмитриев Селунский и Михаил Стоянов. Участие в конфликте Алибеевых-Макидонских и Альбертусов-Далмацких отчетливо проявило языковые познания Николая Дмитриева Селунского. Иммигрант владел родной письменностью, подписывая документы, как он сам выражался «глухо по-гречески»¹³⁷. Еще ранее он расписался в качестве поручителя («знатца») в подлинности сведений, излагаемых другим иммигрантом — князем Михаилом Милорадовым¹³⁸. В данном случае в ходе расследования выяснилось, что Николай Дмитриев Селунский расписался на бумагах, предложенных сторонниками Альбертусов-Далмацких. В результате он оставил на извете автограф на греческом языке за себя и за своего боевого товарища. Расшифровал их подписи, как уже отмечалось, бывший сослуживец Дементий Чернцов. Попав в крайне неприятную ситуацию, «греки» стали активно отрещиваться от заявлений о подложности княжеского титула Алибеевых-Макидонских.

128. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 15. Л. 369.

129. Там же. Л. 7. Л. 358.

130. Там же. Л. 358.

131. Там же. Л. 365.

132. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 18 об.

133. Там же.

134. Там же. Л. 42.

135. Там же. Л. 35.

136. Там же. Л. 35 об.

137. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 103.

138. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 93. Л. 305. Л. 458.

Можно предположить, что наряду с Дементием Чернцовым Николай Дмитриев Селунский первоначально был приближен к Альбертусам-Далмацким. Во всяком случае, Николай Дмитриев Селунский принял приглашение Дмитрия Альбертуса-Далмацкого посетить его жилище. Но, как оказалось, в доме к этому моменты уже собрались сподвижники: «и тот князь Дмитриеи позвал меня к себе в дом. А в ту пору у него был Остафеи Власов, да Петр Волошанин, да греческой ротмистр Юрья Трепезовской. И велели оне мне руку приложить к порожнему столбцу в статье по князь Дмитрие. И я к порожнему столбцу руку приложил глухо, по-гречески»¹³⁹. Избегая обвинений в причастности к подлогу, уже в явочной челобитной Николай Дмитриев Селунский горячо выступил в защиту Алибеевых-Макидонских и готов был подтвердить их высокое положение и знатность. Николай Дмитриев Селунский заявил о личном знакомстве с членами этой семьи на родине: «... будто мы их (Алибеевых-Макидонских – Т.О.) знали в своей земле, будто оне худые люди. А оне великородные люди и прямые отческие. Не токмо я, отец мой в своей земли знал, что оне были великородные люди и славные»¹⁴⁰. Вопрос о том, мог ли происходивший из Салоник воин в действительности знать в Османской империи проживавших в Янине Алибеевых-Макидонских, остается открытым. Более того, не остановившись на собственном заявлении, Николай Дмитриев Селунский организовал составление коллективной челобитной в защиту Алибеевых-Макидонских и лично отнес ее в Посольский приказ¹⁴¹. Вызванные для выяснения истины на очную ставку оппоненты не изменили своего мнения. Как Петр Волошенин и Остафий Власий, с одной стороны, так и Николай Дмитриев Селунский, с другой, продолжали отстаивать свои прежние позиции¹⁴².

Кроме того, расследование вновь приобрело лингвистический характер. В явочной челобитной Николай Дмитриев Селунский декларировал отсутствие знаний в русской письменности: «А то, государь, оне обманули, потому что я по русскому грамоте не умею и русские

139. Там же.

140. Там же.

141. Там же.

142. РГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1643. № 1. Л. 123–125.

мне всякие дела не за обычаем»¹⁴³. Таким способом он стремился доказывать абсолютную невозможность прочесть текст, предложенный ему сторонниками Альбертусов-Далмацких, и поверил им на слово. Напротив, Петр Волошенин и Остафий Власий настаивали на полной осведомленности Николая Дмитриева Селунского в сути подписываемого документа. Если Алибеевы-Макидонские в качестве грамотных «греков» указали на Дементия Чернцова и Григория Мисюрского, то Петр Волошенин и Остафий Власий — на Николая Дмитрия Селунского и Михаила Поликострицкого¹⁴⁴. После первой очной ставки, не прояснившей реалий подписания извета, сподвижники Альбертусов-Далмацких предложили провести допрос уже под пыткой: «вели государь меня, Петрушку, и меня, Осташку, и из них дву человек, которые грамоте умеют: Миколая Дмитриева сына Селунского да Михаила Паликострицкого, взять в застенок к пытке; кожу на кожу менять. И в те поры, государь, их сыщется правда, а наша кровь, да как мы их оманули»¹⁴⁵. Очевидно, что образованность вновь оказалась опасной. «Греков», способных читать русские тексты, уже второй раз предлагали допрашивать под пыткой. Как и в случае с Дементием Чернцовым, угроза, к счастью для Николая Дмитриева Селунского, осталась нереализованной.

Как уже отмечалось, спор закончился в пользу Алибеевых-Макидонских и всех перешедших на их сторону членов «греческой» общины. Подписавшиеся под изветом «греки» избежали наказаний и смогли продолжить службу. Ратники Иноземского приказа вновь регулярно направлялись на Тулу. В 1644 г. их обязанности оставались прежними, Юрий Дросов и Дмитрий Иванов находились в Москве¹⁴⁶. Но для освободившихся от поездки на Тулу¹⁴⁷ воинов нашли другое поручение. Ряд воинов «греческой» роты был привлечен к военной кампании, получившей название «Калмыцкий поход».

143. ГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1643. № 1. Л. 103.

144. Там же. Л. 103, 176.

145. Там же. Л. 176.

146. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1070. Л. 14–15.

147. Там же.

В 1644 г. из Москвы и других городов¹⁴⁸ в Самару были направлены воинские подразделения с целью блокировки продвижения степняков к Волге. Сохранились сведения об участии Николая Дмитриева Селунского: «Да я ж на государеве службе на Самаре в Колмыцком походе»¹⁴⁹.

Удачное завершение военной кампании обусловило награждение наделением землей, что вновь должно было заменить выплаты поденного корма. Служивых иноземцев испоместили, вновь выбрав пограничный с Речью Посполитой уезд, но на этот раз более освоенный. В 1645/6 г. наиболее проявившие себя «греки» во главе с ротмистром Николаем Зотовым Макидонским были пожалованы поместьями в Вяземском уезде. Земли были выделены из надела князя Якова Куденетовича Черкасского. У аристократа изъяли в пользу иноземцев земли, превывшие его оклад¹⁵⁰: «154 году дано им... поместье в Вяземском уезде ис поместья боярина кн. Якова Куденетовича Черкасского»¹⁵¹. Николаю Дмитриеву досталось в Вяземском уезде 140 четей¹⁵², а сверх этого — 5 четей в Мещевском уезде¹⁵³: «В 154 вместо месячного корму дано поместьице в Вяземском уезде»¹⁵⁴; «за Миколаем поместье, что ему дано за корм в Вязьме 140 чети бес четверика, да в Мещовску, что ему дано из порозжих земель 5 чети; всего 145 чети без четверика»¹⁵⁵. В результате Николай Дмитриев Селунский перешел из категории «кормовых иноземцев» в «поместные».

Но в таком статусе ему удалось пробыть недолго. Николай Дмитриев Селунский не стремился погрузиться в сельскохозяйственные проблемы. Среди соотечественников он сразу в 1645/6 г. нашел человека, желающего взять на себя этот труд. Дмитрий Юрьев Селунский,

148. *Балыкина М.И.* Провинциальная служилая корпорация в походе: «Калмыцкая посылка» нижегородских дворян и детей боярских 1644 г. // *История военного дела: исследования и источники.* 2015. Т. 6. С. 102–138.

149. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 148.

150. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. 1650. Л. 120 об.

151. Там же.

152. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642. № 16.

153. Там же.

154. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. № 1. Л. 148.

155. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642. № 16.

выехавший в 1638 г. и принятый в Государев двор, готов был принять часть поместий Дмитрия Николаева Селунского. Взамен он отдавал свое кормовое жалованье: «И он де Миколаи поговоря з Дмитрием меж себя полюбовно, променье ему Дмитрею из вяземского своего поместья деревню Ондrejaново без жеребья 41 четверть, крестьянских 10 дворов со всеми угодыями, да в пустошах и жеребья пустошей половину своей дачи. Да из мещоского поместья во всех пустошах половину ж, а он де Дмитрею Миколаю против того поместья променил из корму /л. 2/ своего 36 рублей 16 алтын 4 деньги по 3 алтына по 2 деньги на день»¹⁵⁶. Важно отметить, челобитную «греки» подписали на родном языке. Их записи согласился перевести в Посольском приказе уже бывший греческий переводчик Мануил Матвеев Филадельфийский. Сделка была признана, и в результате обмена Николай Дмитриев стал получать кормовое жалованье по гривне на день: «По государеву указу дьяком думному Михаилу Волошенинову да Алмазу Иванову из Дмитреева годового корму Селунского, из 80 рублей из десяти алтын, 36 рублей 16 алтын /л. 4/ 4 деньги, по 3 алтына по 2 деньги на день, велеть справить за греченином за Миколаем Дмитриевым сыном Селунским против промененого его поместья, что он Дмитрею променял. А Дмитрею того корму впредь давать не велеть. А за Миколаем справить из Дмитреева корму по 1 гривне на день»¹⁵⁷. Но ситуация осложнилась, когда часть земель вернули прежнему владельцу.¹⁵⁸ В 1648/9 г. князь Яков Куденетович Черкасский смог доказать свое право на имение в Вяземском уезде. Вместе с остальными иноземцами Николай Дмитриев Селунский лишился земли¹⁵⁹, вновь получив лишь поденный корм: «Вяземской помещик Миколаи Дмитриев сын Селунской. Впредь его Миколая с поместными иноземцы не писать, потому что по государеву указу вместо поместья велено давать кормовые деньги помесечно»¹⁶⁰. Ему назначили первоначально 5 алтын

156. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642. № 16. Л. 1–2.

157. Там же. Л. 3–4.

158. Там же.

159. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. 1650. Л. 120 об.

160. Там же. Л. 11.

на день¹⁶¹, что соответствовало платам 1645 г., но тут же сократили до гривны на день¹⁶².

В период разрешение земельных тяжб он продолжал выполнять обязанности в Иноземском приказе, круг которых неуклонно расширялся. Труд служилых иноземцев использовался при строительстве оборонительных укреплений. «Греков» направили на возведение Белгородской черты. Сохранились сведения об участии Николая Дмитриева Селунского и Михаила Стоянова, наиболее вероятно, привлекался Юрий Дросов. Николай Дмитриев Селунский сообщал: «Да я ж был на государеве службе в Белегороде и земляное дело делал, вал валил и ров копал»¹⁶³. Многочисленные и удачно выполненные поручения привели к повышению окладов. В 1649 г. был награжден Михаил Стоянов: «158 октября в 7 день по памяти из Розряду за приписью дьяка Григорья Ларионова прибавлено... *Михаилу Стоянову* (курсив автора – Т.О.) государева жалованья к старому окладу за белгородскую и за яблоновскую службу и за воловое земляное дело против городовых дворян и детей боярских поместново 100 чети, денег 5 рублей»¹⁶⁴. Юрию Дросову повысили оклад с 450 четей и 23 рублей до 500 четей и 26 рублей¹⁶⁵; Николаю Дмитриеву Селунскому — с 550 четей и 28 рублей до 600 четей и 32 рублей: «И в Иноземском приказе иноземцу греченину *Миколаю Дмитриеву сыну Селунскому* (курсив автора – Т.О.) государева жалованья поместной оклад 600 четвертей денег 32»¹⁶⁶.

Не выдержал нагрузки Михаил Стоянов. Через четыре дня после награждения и повышения оклада ему понизили поденный корм. Причиной стал преклонный возраст и, как следствие, невозможность полноценной службы: «Да октября ж в 11 день по государеву указу по докладной выписке за пометою думново дьяка Семена Заборовского... *Михаилу Стоянову*... велено кормовых денег впредь давать с

161. Там же. Л. 121.

162. Там же. Л. 122.

163. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. № 1. Л. 148.

164. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. Л. 110.

165. Там же. Л. 12.

166. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 152.

убавкою сентября с 1 числа нынешнего 158 году по алтыну на день, потому что он устарел»¹⁶⁷. Не позднее 30 ноября 1650 г. немолодой воин принял решение оставить военную службу, сменив ее на молитвенное подвижничество: «Да ноября в 30 день на смотре иноземцы сказали, что Михайло Стоянов постригся»¹⁶⁸.

Михаил Стоянов ушел в монастырь в сложный для «греческой» роты период. Перед подготовкой следующей войны с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) происходила реорганизация Иноземского приказа. «Греческие» подразделения расформировывались. «Кормовых иноземцев» включали в «польские» подразделения, а «поместных иноземцев» переводили в городские провинциальные корпорации. Вероятно, последний вариант был предназначен для Юрия Дросова¹⁶⁹ и Дмитрия Иванова¹⁷⁰. В 1651 г. они еще числились в Иноземском приказе, но далее сведения о них в этом военном ведомстве отсутствуют. Вероятнее всего, они получили статус городского дворянина или сына боярского в Серпейске.

Напротив, Николай Дмитриев Селунский продолжал карьерное восхождение. В то время, как его сослуживцы уходили по старости в монастырь или переводились в городские корпорации, он чувствовал в себе силы к переменам и имел к этому возможности.

Можно предположить, что одним из мотивов стала потеря в 1649 г. поместий и перевод на поденный корм, размер которого его не удовлетворил. Скорее всего, помощь в смене службы ему оказал Дементий Чернцов. Наиболее вероятно, именно Дементий Чернцов указал сподвижнику на вакантное место толмача в Посольском приказе. Иноземцы еще во время выезда имели много общего. Они получили при верстании одинаковый оклад и поденный корм, были тесно связаны взаимной поручкой. В «греческой» роте Николай Дмитриев Селунский ручался за Дементия Чернцова¹⁷¹. Кроме того, два образованных «грека» значительно пострадали во время конфликта Алибеевых-

167. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. Л. 110 об.

168. Там же. Л. 110 об.

169. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 53. Л. 11 об.

170. Там же. Л. 12.

171. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 150 об.

Макидонских и Альбертусов-Далмацких из-за своей грамотности. В 1649 г. Николай Дмитриев Селунский успешно прошел экзамен¹⁷², который принял у него Дементий Чернцов. Переводчик Посольского приказа подтвердил, что Николай Дмитриев Селунский способен легко изъясняться на языках своей бывшей и новой родины: «И про Микулая Селунского допрашиван Посольского приказу греческой переводчик Дементей Чернцов: Микулаи Селунской какими языки знает и достаточно говорить умеет и греческой грамоте умеет ли? И Дементей Чернцов сказал, что Микулаи Селунской турским языком и греческим говорити умеет достаточно и греческой грамоте знает и письмо греческое четет, и впередь того чаят, что он письмо греческое переведет. И к сеи скаске Дементей Чернцов руку приложил»¹⁷³. Кроме того, претендент был знаком с греческой письменностью, был способен ее прочесть и устно перевести.

Николая Дмитриева Селунского зачислили в штат Посольского приказа 8 июня 1650 г. с денежным окладом в 25 рублей, поденный корм составлял 10 копеек¹⁷⁴: «Да июня в 17 день в памяти из Посольского приказу за приписью диака Олмаза Иванова написано: в нынешнем во 158-м году июня в 8 день государь указал /л. 1220б/ взяти в Посольской приказ в турецкие и в греческие толмачи Иноземского приказу иноземца греченина Миколая Дмитриева сына Селунского. И впередь иво в Ыноземском приказе не ведать»¹⁷⁵. Иностранец оказался недоволен жалованьем, напомнив о своих заслугах на военном поприще. В своей челобитной Николай Дмитриев Селунский перечислил все свои боевые подвиги. В документах дипломатического ведомства имя Николая Дмитриева Селунского встречается до 1651/52 г.¹⁷⁶, после чего в его судьбе произошли новые изменения. Он был готов к преобразованиям и стремился поменять род своей деятельности. Если Николай Дмитриев Селунский действительно не знал русской письменности,

172. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. № 1. Л. 148.

173. Там же. Л. 151–151об.

174. РГАДА. Ф. 138. 1649. № 1. Л. 208, 262, 269.

175. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. Л. 1220б – 123.

176. РГАДА. Ф. 138. 1649. № 13. Л. 347.

как он утверждал во время следствия, то у него не было шансов к дальнейшему продвижению в Посольском приказе.

Осознав недостижимость должности переводчика и неудовлетворенный жалованьем, Николай Дмитриев Селунский решил вернуться в строй. Его знали и помнили в Иноземском приказе как доблестного воина, и он готов был руководить своими бывшими сослуживцами по «греческой» роте уже в составе «польских» подразделений. В 1653 г. Николаю Дмитриеву Селунскому предложили повышение, назначив на должность ротмистра в драгунском полку Христофора Рыльского: «Да августа в 16 день по государеву указу иноземцу Посольского приказа толмачю Миколаю Дмитриеву сыну Селунскому велено государеву службу служить по-прежнему с ево братьею с кормовыми иноземцы вместе у полковника у Христофора Рыльского у драгунов в ротмистрах. И кормовые деньги и на лошадей ево конской корм велено ему давать по прежнему государеву указу»¹⁷⁷. В этом качестве Николай Дмитриев Селунский вступил в затяжную войну с Речью Посполитой.

Следующий виток перемен связан с включение «грека» в состав Государева двора¹⁷⁸. Его перевели в Разрядный приказ. Николаю Дмитрию Селунскому «сказали чин» московского дворянина-иноземца, но его имя фиксируется в боярских списках только 1658/9 г.¹⁷⁹ Далее оно устойчиво упоминается в 60–70-е гг. XVII в.¹⁸⁰ В 1661/2 г. Николай Дмитриев побывал на полях сражений: «И в прошлом во 170 году на государеве службе был з боярином и воиводю со князем Юрьем Алексевичем Долгоруким с товарищи»¹⁸¹. Из текста не ясно, о каком направлении идет речь. В 1661 г. князь Юрий Алексеевич

177. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 54. 1653. Л. 410б.

178. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: В 2 т. Казань, 2009. Т. 2. С. 53, *он же*. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–64.

179. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1069. Стп. 2. Л. 71.

180. Там же. Л. 71; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1140. Стп. 2. Л. 93; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 342. Стп. 1. Л. 112; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1102. Стп. 3. Л. 128; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 355. Стп. 3. Л. 108; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 356. Ст. 2. Л. 115; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 359. Стп. 1. Л. 98; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1152. Л. 98; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 387. Стп. 2. Л. 126; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 253. Л. 258; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 386. Стп. 4. Л. 90.

181. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 442. Л. 751.

Долгоруков воевал на территории Белоруссии с польско-литовскими войсками, а уже в 1662 г. был направлен на подавление башкирского восстания¹⁸².

Поручения Николаю Дмитриеву Селунскому чередовались, и вскоре московского дворянина направили в опасные поездки за границу. Таким образом, уже в чине московского дворянина-иноземца «грек» продолжил исполнять дипломатические обязанности. Ежегодно с 1662 по 1666 гг. он сопровождал посольства в Иран¹⁸³. Под 1662, 1663, 1664, 1666 гг. боярские списки фиксировали: «в Персиду с послы», «в Кизылбаши».

Николай Дмитриев Селунский был женат. Не располагая сведениями о происхождении супруги (известно лишь ее имя – Арина¹⁸⁴), невозможно строить предположения о брачной стратегии иммигранта. Безусловно лишь, что по отношению к детям он укреплял связи в рамках «греческого» землячества, которое объединяло всех выходцев из Османской империи и ее вассальных государств. Николай Дмитриев Селунский выдал свою дочь замуж¹⁸⁵ за иммигранта из «Волошской земли» Константина Христофорова, входившего, как и тесть, в группу московских дворян-иноземцев¹⁸⁶. При заключении брака Николай Дмитриев поделился с будущим родственником своим жалованьем. В качестве приданного, как это было принято для служилых «кормовых» иноземцев, он отдал часть своего поденного корма Константину Христофорову¹⁸⁷. Возможно, тесть помог соотечественнику войти в штат Посольского приказа и получить

182. Щербаков С.Н. Юрий Алексеевич Долгоруков — российский полководец, дипломат, администратор XVII в. М., 2012. С.70.

183. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. С. 356; *он же*. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. С. 55–64. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 342. Стп. 1. Л. 112; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1102. Стп. 3. Л. 128; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 355. Стп. 3. Л. 108; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 356. Ст. 2. Л. 115; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 359. Стп. 1. Л. 98.

184. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 94.

185. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. №. 1674/6. Л. 48.

186. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. С. 75, *он же*. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. С. 55–64; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Оп. 1. Стб. 1669/8. Л. 46.

187. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Оп. 1. Стб. 1679/2. Л. 29.

рекомендации Александрийского патриарха Паисия. Зять исполнял обязанности переводчика греческого и валашского языков¹⁸⁸, совмещая государеву службу с коммерцией. В 1674 и в 1676 гг. Константин Христофоров направлялся в составе русских посольств в Персию¹⁸⁹. Сохранилась его челобитная с просьбой об освобождении от пошлин за персидские товары, а также упоминание о торговле соболями¹⁹⁰. Вероятно, регулярные поездки Николая Дмитрия Селунского в Иран создавали основу для семейного дела в торговле мехами и «кызылбашскими товарами».

В 1666/7 гг., после упоминания о службе в «Персиде», Николая Дмитриева Селунского определили в объезжие головы. Ранее эту должность исполняли Алибеевы-Макидонские. В обязанности умудренного опытом иностранца входило осуществление мер противопожарной безопасности Москвы, руководство тушением пожаров: «во 175 и 176-м и до нынешнего 179 году по государеву указу велено было мне быть объезжим головою за Яузою в трех слободах огневым»¹⁹¹. Но в 1670 г. ему добавили новое поручение: поиск нарушителей винной монополии государства: «во 178 году велено было мне дать и винной наказ ведать». Борьба с производством нелегального алкоголя возлагалась на объезжих голов. Николай Дмитриев Селунский был не молод, в своей челобитной от 1671 г. он указал на сорокатрёхлетнюю службу в России. Он немного увеличил свой срок пребывания в Московском государстве, если вести счет с 1630 г., но возраст, в любом случае, был солидным и не мог не давать о себе знать. Николай Дмитриев Селунский не лукавил, когда говорил о себе: «я человек старои и увешной»¹⁹². Но проживший около сорока лет в России «грек» для

188. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 98, 100, 117–118, 137, 139, 339.

189. РГАДА. Ф.77. Оп. 1. 1675 г. № 4; 1678 г. № 4. Л. 1; 1683 г. № 2, 3; 1684 г. № 2; *Бокарева О.Б.* «Персидская» посольская книга № 7 (1650–1711 гг.) как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX международной конференции. М.: РГГУ-ИВИ-ММК, 2017. С. 87.

190. РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. №. 1865, 2582.

191. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 442. Л. 751.

192. Там же.

подтверждения своих слов и усиления драматической ноты, предпочел сослаться на иностранное происхождение и уже традиционные для его прошений указание на незнание русского законодательства: «а сей иноземец, того извычая не знаю»¹⁹³. Николай Дмитриев Селунский просил: «чтоб мне той винной выемки не ведасть, и не знаючи в какую беду не попасть»¹⁹⁴. Власти пошли навстречу, и освободили престарелого грека, имевшего сорок один год непрерывной службы, от «винной выемки»¹⁹⁵.

Подводя итоги, нельзя не отметить разнообразие видов деятельности иммигрантов, приехавших с посольством Семена Яковлева и Петра Евдокимова. За одним исключением, всех выходцев первоначально зачислили в Иноземский приказ. В этом военном ведомстве для иностранцев они прослужили весь период существования «греческой» роты: от момента ее создания до расформирования. В составе «греческой» роты они встретили Смоленскую войну, унесшую жизни двух ратников. В следующей войне с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) «греки» участвовали уже в составе драгунских «польских» полков или поместной конницы. Между войнами они охраняли южные границы России, участвовали в «Калмыцком походе», строительстве Белгородской засечной черты.

Несколько иммигрантов смогли повысить свой статус. Два выходца вошли в штат Посольского приказа на должность толмачей. Дементий Чернцов покинул военную службу через год после выезда, позже он помог перейти из Иноземского приказа в Посольский приказ Николаю Дмитриеву Селунскому. Но если Дементию Чернцову удалось добиться должности переводчика, проявив себя одним из самых образованных и профессиональных специалистов в греческом и русском языках¹⁹⁶, то Николай Дмитриев Селунский предпочел вернуться в Иноземский приказ. Он получил должность прапорщика, командуя бывшими сослуживцами.

193. Там же.

194. Там же.

195. Там же. Л. 751- 752.

196. *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). С. 189.

Следующей ступенью карьеры для Николая Дмитриева Селунского стал переход в Разрядный приказ, где уже изначально ведался Дмитрий Федоров Селунский. Таким образом, двое иммигрантов, привезенных посольством Семена Яковлева и Петра Евдокимова, были зачислены в Государев двор. Дмитрий Федоров Селунский после кончины патриарха Филарета утерял чин патриаршего стольника и, возможно, стал заниматься самостоятельной врачебной практикой. Напротив, Николай Дмитриев Селунский сумел удержаться внутри привилегированной корпорации, первоначально находясь среди московских дворян-иноземцев на полях битв. Затем он сменил военную службу на дипломатическую, сопровождая русские посольства в Иран. Последней должностью московского дворянина Николая Дмитриева Селунского стало назначение объездчиком, контролирующим пожарную безопасность Москвы. Николай Дмитриев Селунский, дольше всех проживших в России, смог успешно проявить себя как ратник, устный переводчик, дипломат, администратор. Он воплотил в себе практически все сферы применения опыта и навыков «греческих» иммигрантов в России.

Библиография

Архивные источники

- РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630. № 26.
- РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1631. № 13.
- РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1632. № 16.
- РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1642. № 16.
- РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1.
- РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1675. № 4;
- РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1678. № 4.
- РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1683. № 2,
- РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1684. № 2;
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628. №1.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1630. № 3.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. №1.

- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649. № 13.
 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. № 1674.
 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 617.
 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 1865.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 53.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 54.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 55. Стп.3.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 62.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 139.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 253.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 342. Стп. 1.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 355. Стп. 3.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 356. Ст. 2.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 359. Стп. 1.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 386. Стп. 4.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 387. Стп. 2.
 РГАДА. Ф. 210. Оп.9. Стб. 442.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 853.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Стп. 1.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1054.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1069. Стп. 2.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1070.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1084. Стп.3.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1102. Стп. 3.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1140. Стп. 2.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1152.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Оп. 1. Стб. 1669.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1679.
 РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 93.

Изданные источники и литература

Балыкина М.И. Провинциальная служилая корпорация в походе: «Калмыцкая посылка» нижегородских дворян и детей боярских 1644 г. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. 6. С. 102–138.

Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: В 2 т. Казань, 2009. Т. 2.

Белоусов М.Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–64.

Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-история, 2017.

Бокарева О.Б. «Персидская» посольская книга № 7 (1650–1711 гг.) как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX международной конференции. М.: РГГУ-ИВИ-ММК, 2017. С. 87.

Оборнева З.Е. Анастас Солунский как переводчик с греческого языка // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 8 (31) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s20798784000933-5-1> (дата обращения: 29.03.2017).

Оборнева З.Е. Дементий Чернцов — греческий переводчик Посольского приказа (1631-1658 гг.) // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 38–59.

Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа. М.: Издательский дом ЯСК. 2020.

Опарина Т.А. Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М., 2004. С. 54–73.

Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007.

Опарина Т.А. Мануил Филаденский в Нижегородском Печерском монастыре: (К вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) // Вестник церковной истории. 2012. С. 53–68.

Опарина Т.А. Личный архив Мануила Филаденского: проблемы поиска автографа // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Международная научная конференция в честь 75-летия доктора историче-

ских наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. М., 2013. С. 242–243.

Опарина Т.А. Служилые иноземцы «Селунские» в России в конце XVI – первой половине XVII веков // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII международной научной конференции.* Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 396–399.

Опарина Т.А. Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI – первой половине XVII в // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2016. № 1. С. 131–158.

Опарина Т.А. Переводчик Посольского приказа Анастас Селунский // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 4 (66). 2016. С. 66–84.

Опарина Т.А. «Греческая» светская миграция в Россию после Смутного времени: посольства Солового Протасьева // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.* 2017. № 2. С. 57–62.

Опарина Т.А. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica.* 2017. № 1. С. 171–197.

Опарина Т.А. Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: кодикологические и палеографические особенности // *Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича.* Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 53–60.

Опарина Т.А. Царский переводчик Иван Дмитриев Селунский: аристократ в приказной системе Московского государства // *1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции.* М., 2018. С. 44–67.

Опарина Т.А. Военный, толмач и московский дворянин: смена социальных статусов Николая Дмитриева Селунского // *Переводы и переводчики в России конца XVI – начала XVIII столетия.* М., 2019. С. 96–106.

Семенова Л.Е. Политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами в первой половине XVII в. // *Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в.* М., 1989. С. 210–231.

Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. Т. 2. М.: Издательство МГУ, 1946.

Флоря Б.Н. Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII в. // *Россия и Христианский Восток.* М., 2004. Вып. 2–3. С. 248–288.

Фонкич Б.А., Калугин В.В. Кирилл Лукарис и Россия (О происхождении греческого текста документов Габора Бетлена, отправленных в Константинополь) // Специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М., 2014. С. 261–304.

Худин К.С. «Следственное дело о греке Дмитрии Селунском» 1652 г.: история одной смерти // Каптеревские чтения. Сборник статей / Отв. ред. М.В.Бибиков. М., 2013. Вып. 11. С. 181–191.

Щербаков С.Н. Юрий Алексеевич Долгоруков — российский полководец, дипломат, администратор XVII в. М., 2012.

“Greeks” Migrating into Russia:

the Embassy of Semyon Yakovlev and Peter Evdokimov (1628–1630)

Tatiana A. Oparina

Ph.D. in History

Russian Academy of Fine Arts,

Institute of Russian History of Russian Academy of Science.

t-a-opart@yandex.ru

Abstract. The article deals with the life of the immigrants who came to Russia from the Ottoman Empire with the Russian Embassy headed by Semyon Yakovlev and Pyotr Evdokimov. It reveals in detail mechanisms of adaptation of “Greeks” in Russian society, reconstructs their biographies, and analyzes the structure of the “Greek” community in Moscow and the relations therein.

Keywords: migration, diplomacy, adaptation, Ottoman Empire, “Greek” community in Moscow.